

В 2020-м эпоха безальтернативности кончилась

Category: Kitarcy, Publisistika

написано kitarcy | 22 января, 2025

В 2020-м эпоха безальтернативности кончилась В 2020-М ЭПОХА БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТИ КОНЧИЛАСЬ

В течение нескольких десятилетий глобализация, несмотря на бесчисленные претензии к ней, воспринималась как нечто необратимое. В 2020-м эпоха безальтернативности кончилась.

Подводить итоги 2020 года мир начал в апреле, когда стал ясен масштаб форс-мажора, постигшего глобальное социально-экономическое устройство. Тогда, несмотря на шок и панику, прогнозы и предположения строились как-то довольно бойко. Конечно, с постоянными оговорками, что мы вступаем в полосу высочайшей неопределённости, но тем не менее...

К декабрю всё запуталось гораздо больше. Пандемия бушует, однако политические трансформации затормозились, а международная повестка в целом не изменилась. В экономике все ждут катастрофического спада, но внешне ситуация пока не фатальна. Ожидания, что картина кардинально преобразится, сочетаются с надеждой, что, если перетерпеть, начнётся восстановление прежней нормы. Жизнь не рухнула, но явно направится по другой траектории.

Парадокс: мир пришёл в движение тогда, когда он застыл. В буквальном смысле –закрывшись на локдауны разной плотности, которые волнами накатывали до конца года и перетекают в следующий.

Не пандемия стала причиной всплеска. Перекосы в мировой системе копились давно, изменения аккумулировались в количестве, достаточном для перехода в качество. Требовался катализатор, и им стал странный вирус.

О том, что возникновение новой заразы не послужило переломным или поворотным моментом, а лишь высветило и ускорило тенденции, усугублявшиеся давно, сказано не раз. Но есть и

другой аспект, на самом деле более важный. Пандемия фактически аннулировала феномен безальтернативности, а главное – необратимости всеобщего развития, с которым все давно свыклись. Причём даже не на интеллектуальном, а на психологическом уровне. И не только те, кто приветствовал глобализацию, но и её оппоненты, указывавшие на её множившиеся изъяны и издержки. Кляня неправильное направление, в котором всё шло, последние не особенно верили, что его можно сменить. В лучшем случае слегка скорректировать.

Разговоры о кризисе глобализации велись давно, как минимум со времени мирового финансового кризиса 2008–2009 годов. О подъёме новых стран и сил рассуждали все кому не лень. Усугубляющаяся конфликтность международной среды и симптомы наметившейся фрагментации единой палитры тоже не были секретом. Стремительное распространение метафоры «чёрного лебедя» отражало ожидание событий, которые ввергнут в хаос неуправляемых перемен. Как выяснилось уже в этом году, даже глобальные парализующие пандемии предсказывались в аналитических докладах и статьях, просто предостережения игнорировали, формально принимая их к сведению.

Как часто бывает, пророчества оракулов или умствования мыслителей располагались в одном измерении, а бытовая рутина и политическая практика – в другом. В первом пугали неизбежностью шквальных порывов, во втором самонадеянно полагали, что шторм минует, как не раз случалось раньше, а фундаментально измениться ничего не может, ибо сущее пусть не вполне справедливо, но разумно. По крайней мере, разумнее всего прочего, по аналогии с демократией из приписываемой Уинстону Черчиллю цитаты – худшая из форм правления, за исключением остальных.

Глобализация, несмотря на бесчисленные претензии к ней, воспринималась как нечто необратимое. Всеобщая открытость (точнее – невозможность закрытости) и тотальная вечная мобильность представлялись чем-то неотъемлемым. Само собой разумелось, что издержки от изменения статус-кво заведомо превысят любые выгоды от этого самого изменения. В XXI веке на планете отсутствовал ревизионизм, поскольку не было игроков,

которые стремились бы перевернуть неприемлемый для них порядок вещей. Точнее – в роли агента революционного ревизионизма выступало, например, «Исламское государство» (запрещённое в России), но его и «загасили» всем миром как отвратительного изгоя. Среди крупных держав революционеров-радикалов не было, хотя на Западе и пытались прилепить эту этикетку России и Китаю. Борьба на мировой арене шла не за революцию в международных делах, а за то, чтобы обустроить себе более комфортабельное место в существующей системе (Москва и Пекин сражались именно за это).

Пандемия выбила почву из-под описанной конструкции. Оказалось, что по стечению внезапных обстоятельств, представляющихся непреодолимыми, глобализацию можно, по сути, выключить.

Реализуемо и перекрытие всех границ с остановкой большей части перемещений, и одномоментный ступор мировой экономики, и даже отмена ценностей и принципов, декларировавшихся в качестве аксиом. А то, что было принято осуждать (протекционизм, эгоизм, стремление уйти от взаимозависимости), – рациональный способ поведения.

Кому это было выгодно? Кто все это устроил? Человеку свойственно задавать такие вопросы о том, что непонятно. И быть разочарованным отсутствием убедительных ответов (точнее говоря, конспирология их даёт, но слишком стройные и очевидные, чтобы в них можно было поверить). Не стоит, однако, отрицать, что к 2020 г. самые разные международные дела запутались донельзя. В воздухе витало стремление сделать что-то, чтобы взорвать замкнутый круг, вырваться из него. Не случайно многие комментаторы уже не один год говорили о складывании предвоенной ситуации. Логика истории заключается в том, что объективно назревшие обстоятельства неизбежно порождают событие, которое провоцирует ответы на вызовы.

Пандемия вытолкнула жизнь из колеи резче, чем прежде это делали мировые войны. Надежды, что она сыграет роль такой войны и сведёт на нет противоречия, обнулит их, говоря популярным в уходящем году словом, не оправдываются. Палитра и интенсивность конфликтов становятся только обширнее и горячее. Но есть одно принципиальное обстоятельство. Впервые за долгое

время дальнейший ход событий зависит от решений, которые будут приняты конкретными правительствами, даже отдельными людьми. До сих пор они скорее плыли по течению, успокаивая себя той самой безальтернативностью и необратимостью.

Заккрытие произошло резко. И иного метода, по сути, ни у кого не было – от распространения инфекции не защититься иначе, как изолируясь (примечательно, что все фактически двинулись путём, который проторил первым столкнувшийся с вирусом Китай, – каждый в меру возможностей, но оглядываясь именно на Пекин).

Открываться ли обратно, когда, как это делать и в какой степени? А вот здесь начинаются варианты. Во-первых, решения не будут синхронизированы: каждая столица станет ждать оптимального момента, руководствуясь собственными соображениями, отнюдь не только эпидемиологическими, но и политико-экономическими. Во-вторых, решения могут быть разными в разных странах. Ведь нежданная остановка позволяет задуматься о маршруте передвижения, который прежде воспринимался как единственно правильный или возможный.

Эрозия универсализма норм и правил началась отнюдь не в 2020 году – много раньше, но пандемия подвела черту под идеей о том, что всем целесообразно действовать в одном ключе, потому что он подходит к любому замку. Инфекция напомнила, что в случае острого кризиса, затрагивающего жизнь, здоровье, физическую безопасность людей, каждое государство само отвечает за себя и своих граждан (и перед ними, потому что те бросаются именно к нему), а уверенно может полагаться не на международные институты, межгосударственное сотрудничество или гражданское общество, но лишь на собственные возможности. Как их максимально увеличить – ноу-хау, если и не совсем уникальное в каждом случае, то прочно привязанное к специфическим обстоятельствам.

Момент решения, появление выбора – это качественный сдвиг. И завершение более чем тридцатилетней эпохи кажущейся предопределённости. Той, что в разгар мирных революций в Восточной Европе в 1989 г. у эффектно и самонадеянно называли «концом истории». Что произойдёт дальше, предрешат сами действующие лица этой драмы. И им не на кого переложить

ответственность.

В этом декабре люди особенно страстно ждут новогодних праздников, хочется, чтобы просто сменился роковой календарный номер. Итоговые статьи, которые всегда пишут под занавес года, похожи сейчас на подведение итогов того, что на самом деле только началось, неизвестно, когда и чем завершится, зато все жаждут увидеть благополучный финал. Но 2021 год явно не готов соответствовать ожиданиям, которые на него возлагают. Он не сможет стать антиподом 2020-го. Как говорил ещё до всех бурных событий уходящего года замечательный историк американской политики Уолтер Рассел Мид, «история вернулась, и она голодна». Не хочется желать ей приятного аппетита.

Фёдор ЛУКЬЯНОВ,

Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» с момента его основания в 2002 году. Председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике России с 2012 года. Директор по научной работе Международного дискуссионного клуба «Валдай». Профессор-исследователь НИУ ВШЭ. Выпускник филологического факультета МГУ, с 1990 года – журналист-международник. Publisistika